

Василий Мищенко-Боровской

**ЛУЧШЕЕ, КОНЕЧНО,
ВПЕРЕДИ**

Василий Мищенко-Боровской
Лучшее, конечно, впереди

«Издательские решения»

Мищенко-Боровской В.

Лучшее, конечно, впереди / В. Мищенко-Боровской —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938458-4

Люди живут как хотят, как умеют и как получается, а мечтая о будущем, не видят своего счастья в настоящем. Ибо каждый прожитый день и есть самое драгоценное, что даровано им свыше. А былое, наполненное не только счастливыми мгновениями, но и разочарованиями, завтра может казаться прекрасным, как сказка. Эта мысль — лейтмотив произведений, вошедших в сборник. Книга для вас, читатели, кто не равнодушен к прошлому исчезнувшей страны. К людям, жившим в то время с их чаяниями, надеждами и судьбами.

ISBN 978-5-44-938458-4

© Мищенко-Боровской В.
© Издательские решения

Содержание

Бес попутал	6
Всё было нормально, всё будет хорошо	9
Десять бутылок Рислинга	13
И мальчики кровавые в глазах...	16
Инакомыслящие и другие	25
Матч	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лучшее, конечно, впереди

Василий Мищенко-Боровской

© Василий Мищенко-Боровской, 2018

ISBN 978-5-4493-8458-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бес попутал

Дождя не было долго, больше месяца. Солнце беспощадно выжигало растительность, в тени столбики термометров приближались к тридцати градусам, а на открытом пространстве, как у мартеновской печи, находиться было совершенно невозможно. Деревня, наполовину состоявшая из дачников, казалась вымершей. Синоптики в течение недели осторожно намекали на некую вероятность осадков, однако прогнозы не сбывались. Хотя вполне возможно, осадки где-то и выпадали, но деревеньку Ясенево они упорно обходили стороной, что повергало жителей в уныние и безысходность.

Борис Петрович Корнев синоптикам верил. Конечно, не вообще и не всегда, но в данном случае их осмотрительно-туманные прогнозы подтверждались ноющими второй день суставами и застарелыми переломами. А уж они-то никогда не ввали. Борис Петрович последние двадцать лет с апреля по ноябрь жил в деревне, на зиму перебирался в город и считал там дни до весны, как новобранец в армии до дембеля. Он причислял себя к деревенским жителям, а главным домом считал не городскую квартиру, а этот добротный пятистенок, построенный умелыми мастерами в середине прошлого века. Семьи у Корнева не было, сын погиб в первую чеченскую кампанию, жену похоронил следом за сыном, а невестка с внуками жила в другом городе, и виделись они редко, пару раз в три года. Но что делать, земля ведь круглая, бока у неё покаты и человеку нужно за что-то уцепиться и держаться, чтобы не соскользнуть. Борис Петрович прикипел к даче, в душе ощущая себя аграрием, хотя всю жизнь был технарём. Участок он содержал в идеальном состоянии, вырастил сад с яблонями, вишнями, сливами, абрикосами и черешнями. А ведь раньше здесь росло одно единственное плодовое дерево – огромная, метров под двадцать груша, которая стоит вон на краю участка и половина её кроны нависает над соседним наделом. Занимался пенсионер и огородничеством, но без фанатизма, сажал всего понемногу и больше из спортивного интереса, черпая информацию о разных толковых агрономических приёмах из Интернета. Правда, была проблема с водой, но её Борис Петрович решал уже давно и в целом успешно. Несколько лет назад он нанял бригаду таджиков, и они шустро выкопали колодец в восемь колец. Таджиков, хохлов и молдаван в окрестностях Ясенево блуждало много, а работы было мало. Получалось, что в бывших братских республиках бывшего Советского Союза работы нет вообще. А кушать хочется всем и всегда. Иначе, зачем бы этим мужикам переться сюда, за тридевять земель, шукать по деревням необъятной России работёнку и браться за любой подряд? Кроме этого, таджики вырыли на участке небольшой пруд, наполняемый в основном дождевой водой. А вода поступала по наклонной канаве, служившей границей между участками.

С обитателями деревни Борис Петрович особой дружбы не водил, но жил мирно, поддерживая ровные отношения. Соседку слева, Анну Алексеевну, тоже дачницу, он несколько сторонился из-за её назойливого внимания и попыток покровительствовать. Местные называли слишком активную женщину генеральшей. Вроде как покойный её муж был генералом, успевшим при жизни купить в Ясенево землю и построить по современным меркам скромный

двухэтажный домик со всеми удобствами. Сосед справа, Горшков, он же Горшок, был своим, деревенским, а по возрасту – тоже пенсионером и почти ровесником Корнева. Своего колодца у него не имелось и воду он брал из общественного, который находился на соседней улице, а иногда заходил к соседу. Для сбора воды на полив Горшок, по примеру Корнева, тоже выкопал небольшой котлован и направлял туда драгоценную жидкость, стекавшую во время дождя по желобам крыши. Этим летом из-за жары колодцы в деревне сильно обмелели, а самодельные прудики давно пересохли.

Утром Корнев, преодолевая боль в ногах, вышел из дома, включил насос и накачал бочку воды. Вечером надо обязательно полить грядки. Петрушка с укропом выглядели поникшими и безжизненными, из растрескавшейся земли торчали тонкие хилые прутики картошки с пожелтевшими листьями. На небе не было ни единого облачка, и даже в эти утренние часы в воздухе ощущалась духота. По улице с рёвом пронёсся мотоцикл явно без глушителя, вздымая клубы пыли, которая медленно оседала толстым слоем на жестких, обезвоженных листьях деревьев. Где-то в отдалении самозабвенно горланил петух и яростно лаяла собака. Начинался новый день.

После полудня край неба на юго-западе слегка помутнел и вдали, за горизонтом, послышалось лёгкое погромыхивание, будто канонада. Вскоре небо потемнело, большая туча скрыла надоевшее своей чрезмерной напористостью жаркое светило. Яркие молнии принялись яростно раскалывать черно-фиолетовое небо на куски и, чуть запаздывая, раздавались гулкие раскаты грома. Первые капли влаги упали на жаждущую землю, а затем вода полилась сверху неистово и обильно, будто где-то там, в небесах, прорвало плотину.

Борис Петрович стоял на террасе, вдыхая полной грудью густой, насыщенный влагой и озоном воздух. Он видел, как его пруд стремительно наполняется дождевой водой, хлеставшей из канавы, разделяющей участки. В какой-то момент он заметил, что поток иссяк, хотя дождь лил, как из ведра. И тут Корнев увидел Горшка, орудующего ломом и лопатой под его грушей. «Не иначе, как перегораживает канаву сосед, – догадался Борис Петрович, – судрел совсем». Набросив брезентовый плащ с капюшоном, он побрёл к Горшкову, стоящему посреди канавы по пояс в воде. Непостижимым образом тщедушный Горшок при помощи лома и лопаты сдвинул огромный валун, лежавший здесь, вероятно, со времён ледникового периода, и перекрыл поток воды, стекающей в пруд к Корневу. Не мешкая, он начал шустро прокапывать русло для ручья, направляя его в свой котлован. Сейчас он чем-то заметно смахивал на морского бога Посейдона, правда, одетого в трусики, китайскую курточку и сильно перепачканного в грязи.

– Гриша, ты чего это творишь? – крикнул Борис Петрович, – прекрати немедленно!

Вверху громыхнуло, и дождь усилился ещё больше. Прибывающая по канаве вода, натолкнувшись на сооруженную Горшком дамбу, вместо его котлована устремилась в огород Корнева, смывая хилые кустики помидор, перца и картошки. Борис Петрович вырвал лопату из рук соседа, принялся укреплять край канавы, дабы перекрыть поток грязной воды, хлынувшей на его участок. Горшок схватился за черенок лопаты и рванул её на себя:

– Отдай инвентарь, Петрович, не доводи до греха!

В этот момент в небе, с которого продолжали падать тонны воды, возник какой-то странный звук, будто чиркнуло серной головкой гигантской спички по коробку. Яркая вспышка осветила барахтающихся в канаве пенсионеров, почти над их головами раздался оглушительный раскат грома и сразу же – мощный скрежет и треск ломающегося дерева. Корнев поднял голову и увидел летящую на них огромную верхушку груши. Толкнув соседа, он упал вместе с ним в канаву, и в это мгновение на них обрушилась часть дерева, словно срезанная острой бритвой. Пенсионеры оказались на дне канавы, придавленные ветвями столетней груши. Выбраться из-под них не представлялось никакой возможности.

– Гриша, ты здесь? – крикнул Борис Петрович, не видя соседа.

– Да здесь, здесь! Куда я на хрен денусь с подводной лодки. И как нам теперь отсюда вылезать? Эй, люди, помогите!!! – завопил Горшок, стоявший на четвереньках в воде сзади от Корнева.

– Надо ждать, когда закончится дождь. А так никто тебя не услышит. Я вот, Григорий, не могу понять одного: с какого перепуга ты побежал канаву перегораживать?

– Прости, Петрович, сам не знаю, как это вышло, – Горшок выплюнул попавшую в рот воду, – Бес попутал.

Генеральша Анна Алексеевна сидела на балконе второго этажа у приоткрытого окна в удобном кресле и наслаждалась свежестью, запахом цветущей липы и шумом дождя. Сверху ей хорошо были видны соседские участки, мокрые крыши домов, пустынная улица, по которой грязный поток воды нёс всяческий мусор. Вскоре её внимание привлек несимпатичный местный мужик Горшков, который, невзирая на грозу, выбежал из сарая с лопатой и ломом, понёсся к груше симпатичного, но невнимательного соседа Бориса Петровича и принялся там что-то копать. Вскоре к нему присоединился и сам Борис Петрович. Они вроде начали ссориться, и в это время огненный столб ударил в верхушку груши, гроыхнуло так, что женщина самопроизвольно закрыла глаза, повторяя про себя: «Господи Иисусе, Господи Иисусе...». Потом она увидела обезглавленное громадное дерево и его верхушку, лежащую на том месте, где только что копошились соседи. Генеральша подхватила, надела дождевик и устремилась на соседний участок. Не доходя несколько метров до места происшествия, она услышала из-под груды ветвей заглывающийся голос Горшка, звавшего на помощь.

Спустя некоторое время дождь начал стихать. Грозовая туча сместилась к северо-востоку, и на участке Корнева собралась толпа из десятка человек, экстренно созданных генеральшей. Попытка оттащить обломок дерева не удалась. Затем появился Митька Коршунов, сосед Горшка, с бензопилой. Он быстро и умело обрезал ветви груши, после чего мокрые и грязные пенсионеры выбрались из канавы наружу.

Гроза закончилась, умытую дождём деревню освещало немного остуженное солнце. Вместе с жарой, как будто улетучились, исчезли недостатки, а на передний план торжественно выступили человеческие и природные достоинства. Дышалось легко, было тихо и покойно. За деревней лежало напоенное влагой поле. За полем стоял о чём-то задумавшийся старый дубовый лес, посаженный очень давно и повидавший много на своем веку. А сверху голубело бездонное небо, разделенное пополам яркой радугой. И казалось, что радуга – это волшебный мост между землёй и небом, вселенским добром и духами зла, настоящим и будущим.

Всё было нормально, всё будет хорошо

Эта история приключилась в те времена, когда у нас еще не было президентов, олигархов, санкций, менеджеров, брокеров и трейдеров. А были повышенные стипендии для студентов отличников, обязательная «картошка» в сентябре и добровольные стройотряды летом. А также ДНД, самиздат, продажа спиртного с 11.00 утра, дефицит различных товаров, комсомольские стройки и дряхлые генсеки. Страна была целой, как монолит, а мы молодыми и бесшабашными.

Саня Царёв окончил институт с красным дипломом и был направлен в целевую аспирантуру. Июль он провёл у приятеля в Крыму, а в начале августа вернулся в столицу, чтобы поработать над рефератом. Научный труд предстояло закончить к сентябрю и по расчетам будущего аспиранта и светила гуманитарных наук месяца вполне хватало. В общежитии было непривычно тихо. Саня открыл комнату, оставил вещи и решил немного прогуляться. Составить план и график работы можно и завтра. Царёв на протяжении всех пяти лет обучения был бессменным председателем студенческого совета общежития, а также многочленом различных общественных организаций вуза. И, что уж совсем являлось фантастическим для студента – кандидатом в члены КПСС.

Царёв зашел в здание института, вахтёр дядя Миша мирно дремал на рабочем месте. Коридоры были пусты, деканат закрыт. Саня направился в дубовый парк, прилегающий к главному корпусу. Солнце припекало не на шутку, в парке же было немного прохладнее. Впереди замаячила знаменитая «Шайба» – пивная забегаловка. Очередь из очумелых от жары и похмелья мужиков змейкой тянулась до самого парка. В кустах на обрезках из фанеры сидели четверо: аспиранты второго года Григорий Самуилович Заводяник и Веня Голоднов, студент последнего курса Вовка Шацкий (он же Чацкий), а также завкабинетом кафедры философии Кузяев. Фамилии аспирантов местные остряки давно переименовали, что больше соответствовало их сущности. Веня стал Заводновым, а Григорий Самуилович Голодяником из-за уникальной особенности всегда точно определять место очередной попойки в общежитии и появляться там без приглашения.

На газете «Правда» лежали ломти хлеба и куски селедки, чуть в стороне стояла пятилитровая банка с пивом. Вузовские интеллигенты пили пенный напиток из молочных пакетов. Дефицит кружек в «Шайбе» был постоянным.

– Привет, профессора! – поздоровался Саня с присутствующими.

– Ба! Херес-Стрелецкий нарисовался, присаживайся, – Чацкий подал Сане пустой пакет, – Ты откуда?

– Из малой Родины прибыл реферат писать. Только что с вокзала.

– Ну, тогда наливай свежего клинского, недавно подвезли.

Между тем солнце жарило всё крепче. Веня осушил очередной пакет, посмотрел на часы:

– Итак, товарищи ученые, наступает час волка, скоро одиннадцать, можно идти затариваться.

В гастрономе уже толпились страждущие, ожидали наступления времени продажи спиртного. Спустя полчаса компания направилась к дому, где Заводнов снимал «однушку».

Процедура повторялась многократно, поэтому каждый четко знал свои обязанности. Кузьяев занялся уборкой квартиры после предыдущего застолья, Саня жарил куриц «а-ля цыпленок табака». Чацкий помогал Царёву. Неделю назад Вовка принёс мешок курячих тушек. Добыл на птицефабрике. Там работал один из стройотрядов, которые он курировал по линии комитета комсомола. И теперь старый, но добротный холодильник ЗИЛ снизу доверху был забит длинноногими волосатыми курицами. Веня накрывал на стол: тарелки, вилки, ножи, стопки. Григорий Самуилович, втиснув водку в морозилку, резал хлеб, рассуждая о важности системного подхода и системного анализа.

Наконец сели. После третьей стопки пришел Давыдов. Он был местный и работал кем-то на Мосфильме. Обычно, изрядно подпив, бородатый киношник обещал всем организовать посещение приватного выступления Высоцкого, с которым он якобы дружил или достать билеты на Таганку. Потом подтянулись преподаватели с кафедры истории Моршанский и Кутин. Часам к четверем в квартире дым стоял коромыслом. Мужики, одурев от жары и спиртного, разделлись и сидели в исподнем. Чацкий спал в «корыте». Так называлась кровать Вени, в которой матрац провалился на пол, но он не ставил его на место, говорил, что так удобно спать – бортики кровати не дают скатиться на пол. Неожиданно Заводнов сцепился с Кутиным, который собирался занять осенью кресло секретаря комитета комсомола и, следовательно, был серьёзным конкурентом Вени. Голодяник пытался их мирить, но у него это плохо получалось. Наконец Веня выкрикнул свою коронную фразу:

– Господа! Я всем отказываю от дома! – И стал выпихивать гостей из квартиры. Толпа вывалилась на лестничную площадку и тут дверь, как в знаменитом фильме, защёлкнулась на замок. От неожиданности Веня заколотил пятками по обивке, показались озабоченные соседи.

– У тебя балкон открыт? – спросил Саня незадачливого квартиросъемщика, пытаясь оттащить его от злополучной двери.

– А хрен его знает, не помню, – Веня поддернул сатиновые трусы и осел на коврик.

Царёв пошел вниз. Балконные двери на всех этажах были открыты. Саня подтянулся на руках, забрался на крышу овощного магазина, прилепившегося к дому, оттуда на балкон второго этажа и полез вверх. Третий этаж. Четвертый. Пятый. Или шестой? Сбившись со счета, «альпинист» вошел через балкон в комнату. Краем глаза увидел «корыто» и прошел на кухню, задыхаясь от смрада. На плите стояла сковорода с обуглившейся курицей. Царёв выключил газ и снял сковороду.

– Стоять, руки за голову, не шевелись, зашибу! – Саня от неожиданности присел и обернулся.

В дверном проеме стоял какой-то мужик в трусах, милицейском кителе с лейтенантскими погонами на голом теле и кобурой в руке.

– Ты кто? А где Чацкий? – Царёв переминался с ноги на ногу, подняв руки вверх.

– А ты кто? Фамусов? Щас будет тебе горе от ума. Документы! – рявкнул вдруг лейтенант, пытаюсь достать что-то из кобуры. Кобура оказалась пустой.

– У меня нет документов, – Саня зачем-то пошарил пальцами в плавках.

– А что ты делаешь у меня на кухне, куриц крадешь?

– Слышь, лейтенант, подозреваю, что я перепутал этажи. У нас дверь захлопнулась, и я хотел, это..., через балкон...

– Ну, ты даешь, Скалозуб! Считай, тебе повезло, что ты ко мне влез. Щукин. Ваш новый «околоточный», то есть, участковый, – представился лейтенант.

– Саня... Аспирант, – приврал вчерашний студент, – А где старый, то есть прежний, Пётр Петрович?

– Капитан Вакуленко пошёл на повышение. В Москву перевели. Ладно, пошли, – кивнул участковый, беря связку отмычек.

Под дверью на коврик, свернувшись калачиком, лежал аспирант второго года обучения Веня Голоднов. Участковый Щукин в кителе и трусах, переступив молодого ученого, поковырялся в замке и открыл дверь. Из квартиры повалил дым. Саня метнулся на кухню, выключил газ и высыпал из сковороды в раковину останки сгоревшей курицы. По лестнице поднимались гости, которым было отказано от дома. Кузьяев и Моршанский взяли Веню, занесли его в квартиру и положили в «корыто» рядом со «сломавшимся» ранее Чацким.

– Ну, надо же, всё, как у меня, – удивился участковый, увидев раскуроченную кровать и матрац на полу.

Застолье во главе с умельцем-лейтенантом продолжилось. Уже ближе к вечеру в дверях кухни возник Заводнов. Постояв пару минут, Веня, будто лунатик, пошатываясь и не говоря ни слова, подошел к холодильнику. Открыв дверцу, он взял последнюю бутылку водки, положил её подмышку и так же молча удалился из кухни. Присутствующие тупо смотрели ему вслед.

– Не понял, а шо это было? – спросил лейтенант Щукин.

– Это была последняя бутылка водки, – сказал препод Кутин.

Григорий Самуилович Голодяник отправился в комнату с целью морального воздействия на Заводнова, совершившего аморальный поступок. Однако, Веня уже лежал в «корыте» рядом с Чацким, притворившись спящим. А может быть он и вправду спал.

– Отдай бутылку, Веня. Получилось как-то не комильфо, – сказал Григорий Самуилович в пространство.

Заводнов никак не реагировал. Тогда Голодяник засунул руку под подушку и обнаружил там драгоценную поллитровку «Пшеничной», нагло похищенную Веней на глазах у всей компании из собственного холодильника. Водку тут же разлили и выпили с чувством глубокого удовлетворения. Затем Щукин налил в освободившуюся бутылку воды, закупорил её и положил в холодильник.

Веня, проснувшись в десять часов вечера, растолкал Чацкого и спавших на диване «валетом» Голодяника с Царёвым. Остальных гостей в квартире уже не было. Заглянув в холодильник и увидев там бутылку водки, Заводнов воспрянул духом и принялся убирать кухню. Сонные и чумные от алкоголя собутыльники, подгоняемые окриками воодушевленного хозяина, взялись ему помогать. Царёв жарил курицу, Чацкий сервировал стол, Григорий Самуилович рассуждал о значении системного анализа. Вскоре сели за стол. Заводнов откупорил бутылку и наполнил стопки.

– Пусть лучшее из нашего прошлого станет худшим нашего будущего! За нас, друзья!

Все встали, чокнулись рюмками и выпили. Хозяин скрутил фигу, занюхал ею и щедро дал занюхать остальным, поднося скрученный кукиш к носу каждого.

– Между первой и второй – промежуток небольшой, – Веня ловко наполнил рюмки.

– Водка – наш враг. Но кто докажет, что мы боимся врагов? – Григорий Самуилович стукнул кулаком по столу.

– Мы их всех победим, – Заплетающимся языком сказал Чацкий, нюхая Венину дулю. При этом он пытался сфокусироваться, ословело глядя на лежащее в тарелке курячее бедро. Саня после третьего и последнего тоста вдруг вспомнил, как участковый Щукин заливал в бутылку воду из-под крана. Наблюдая за стремительно пьянеющими приятелями, он подумал: «Вот оно, самовнушение. Если бы кто рассказал – ни за что не поверил, что такое бывает».

На следующий день всё повторилось сначала. Лишь в конце месяца Саня в авральном порядке подготовил и сдал реферат. В ноябре состоялось отчетно-выборное комсомольское собрание. В комитет комсомола были избраны аспирант Веня Голоднов, старший преподаватель Кутин и студент Шацкий. Причем Кутин стал секретарём, а Веня его заместителем. В декабре перед экзаменом по философии Царёв столкнулся у аудитории с участковым Щукиным. Лейтенант, оказалось, тоже поступал в аспирантуру.

– Как дела, лейтенант? – спросил его Царёв.

– Всё было нормально, всё будет хорошо. Лучшее, товарищ, впереди. – ответил участковый, широко улыбаясь.

Судьбы участников этой истории сложились по-разному. Александр Васильевич Царёв защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Он до сих пор читает лекции в вузе и является любимым профессором у многих студентов и аспирантов. Доктор исторических наук, директор института в Киеве Григорий Самуилович Заводяник умер летом 2014 года в процессе люстрации после того, как его облили зеленкой и бросили в мусорный бак. Наверно, не выдержало сердце такого унижения. Вениамин Сергеевич Голоднов долгое время был мэром одного из подмосковных городков, баллотировался в Госдуму, впрочем, неудачно. Его иногда приглашают в различные политические ток-шоу, где он рассуждает о причинах распада СССР, негативной роли КПСС и ВЛКСМ, о становлении российской демократии в девяностые годы. Владимир Михайлович Шацкий работал на латвийском радио. После известных событий уехал и осел в Германии. Не смог жить в стране, где «неграждане» составляли треть населения. А подполковник Щукин погиб при ликвидации крупного бандформирования, которые бурно формировались вместе с демократией в конце 80-х и начале 90-х годов. Остальные пока еще, слава Богу, живы-здоровы и ждут свой черед.

Десять бутылок Рислинга

Двадцатого июля аспиранты отмечали день рождения Михалыча. Имениннику исполнилось 35 лет, дата отчасти круглая, как и сам виновник события. Маленький, толстенький, в очках, уже и лысинка наметилась и пузцо. Однако, мужик он был мастеровой, руки росли, откуда надо, гармонист опять же, душа компании.

Всё закупили и приготовили заранее: подарки, мясо на шашлык, овощи, спиртное. Подарки выбрали просто замечательные – набор инструментов и гармонь с соответствующими надписями: «Бормотухину-Ярузельскому в день рождения от коллег аспирантов. 20.07.1982 г.». Коллеги аспиранты давно, еще на первом курсе, придумали себе прозвища, в основном, по маркам горячительных напитков. Так Виталий Михайлович Ярлоцкий и стал Бормотухиным-Ярузельским. Остальные имели тоже вполне экзотические прозвища. Были тут Херес-Стрелецкий, он же Саня Царёв, Роман Зверобойный – Жулеба, Настя Сосновская Перцовка, Эдуард Грач Плодово-Ягодный, Лесь Солнцедаров – Вивтюк, Дунька Чачка, Витя Первач-Самогонов, Григорий Самуилович Голодяник (Заводяник). Не имел клички только сосед Михалыча по комнате Костя Чеприн. Не прилеплялось к нему прозвище и всё тут. Ибо Котя, как интимно называли его аспирантки, не пил, вид имел интеллигента 19-го века, носил бородку и жилетки, а также постоянно, к месту и не к месту извинялся.

Отмечать решили на природе. Не сидеть же в общаге, когда в тени около тридцати градусов. Отправились пешком в ближайший лесок, прилегающий к каналу. Место нашли чудесное. Под огромным дубом быстро накрыли скатерть-самобранку, шашлык уже жарился, подарки имениннику вручили. Недалеко плескалась вода канала о прибрежные камни. Царёв с Настей набрали целый пакет сыроежек и уже успели запечь их на костре, нанизав на ветки. Жулеба, специалист по театрализованным представлениям, сказал длинный витиеватый тост. Наконец, выпили. После четвертой полезли всей гурьбой купаться, хотя в этом месте это делать категорически запрещалось. По каналу время от времени стремительно проносились «Ракеты», медленно и торжественно проплывали теплоходы с пассажирами на всех палубах.

Михалыч, растягивая до предела меха гармони, закричал частушки. Все подхватили, оглашая окрестности неподдельным весельем. Часам к шести выяснилось, что спиртное закончилось. Ближайший гастроном находился километрах в трёх от места пикника, а до закрытия оставался один час. Послали Котю. Потом, правда, сообразили, что это не самый удачный выбор. Лесь Вивтюк, он же Солнцедаров, сказал:

– Зря Костю послали, не возьмёт он ничего. Надо было мне идти.

Все приуныли, соглашаясь, представив тишайшего интеллигента Котю в конце длинной очереди у гастронома перед закрытием. Толпа мужиков, слегка разбавленная представительницами слабого, но не менее настырного пола волнуется, напирает, ругает тех, кто норовит взять без очереди. Особо наглых могут и побить слегка.

Михалыч затащил, подыгрывая себе на гармошке: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...»

Где-то спустя полтора часа на тропинке показался Костя Чеприн. Он был без очков, рукав рубашки надорван, а щека слегка поцарапана. Котя нёс, бережно прижимая к груди, полную авоську бутылок и вид он имел абсолютно счастливого человека.

– Ребята! Десять бутылок «Рислинга»! – Костя поднял авоську над головой. Компания замерла в изумлении.

– Какой ты молодец, Котя! А мы думали, что не успеешь, – Настя обняла Константина и громко чмокнула его в щёку.

– Так я, это... без очереди... Правда, вот очки сломали и рубашку слегка... повредили. Ну, да ладно. А может, давайте выпьем, а? За Михалыча!

Все оторопело смотрели, как непьющий Котя лихо опрокинул полный стакан кислящего вина. Роман поднял свой:

– Пьём за нашего обстрелянного бойца и надежного кореша, за Костю Рислинга!

Вскоре количество выпитого переросло в качество, жизнь казалась прекрасной, хотелось любить эту жизнь и всех, кто вольно или невольно в ней присутствовал. Уже начало темнеть, но жара не спадала и компания полезла в канал купаться. В голове у Кости шумело, а вода приятно охлаждала, он плыл и плыл, наслаждаясь неожиданной лёгкостью во всём теле. Между тем, уже окончательно стемнело, и берег почти не просматривался. Не было слышно и голосов аспирантов-однокашников. Чеприн поплыл к берегу, выбрался на полянку, где они отмечали день рождения. Но здесь никого не оказалось, также как и вещей Коти. Он пошарил руками по траве. Ничего, кроме пустых бутылок из-под «Рислинга». Где-то вдалеке слышались удаляющиеся звуки гармошки, заглушаемые хором пьяных голосов. Чеприн в одних трусах и босиком пошел в полной темноте на голоса, потом побежал, не разбирая дороги, ломая кусты и проваливаясь в какие-то ямы. Веселую компанию он догнал у института.

Здесь, на площадке перед входом, освещенной фонарями, как обычно, сидели местные завсегдатаи: жители близлежащих домов, в том числе, некоторые преподаватели и сотрудники, студенты общежитий. Все они и оказались свидетелями неожиданного и странного зрелища. Впереди, растягивая меха гармошки, шел Михалыч Бормотухин-Ярузельский, почему-то в Костиных туфлях и одежде, которая ему были явно не по размеру. Своя одежда и туфли висели у него на плече. Дунька Чачка, забегающая вперёд и тряся плечами, крикнула:

– Михалыч, давай «цыганочку»!

Именинник рванул меха, Дунька забарабанила ногами по асфальту и пошла, подбочиваясь и заламывая руки за голову. Тёплая компания, топоча, закружилась вокруг гармониста. Особенно усердно выплясывал, высоко поднимая породистую голову и поблёскивая очками, член партбюро факультета Григорий Самуилович Голодяник. Затем Чачка, не прекращая пританцовывать, заорала частушки:

Тракторист Вовка,
Что-то мне неловко,
Погляди-ка на межу,
Правильно ли я лежу?

Чуть отстав от всех, зигзагами ковылял Эдуард Грач-Плодоягодный, у которого нарушение координации движения вследствие болезни в состоянии подпития многократно усиливалось. Тем не менее, он ухитрился нести большую кастрюлю, в которой мариновался шашлык, а сейчас лежала грязная посуда и другие причиндалы. А за Эдуардом, нагишом, скрестив руки на груди, шел не очень трезвый Костя, гордо неся на себе самоотверженно заработанную сегодня кличку Рислинг. У входа в институт Грача как-то очень сильно повело в сторону, он

замахал руками, пытаясь удержать равновесие, но центр тяжести сместился, и Эдик рухнул на бордюр. Кастрюля, грохоча, покатила по асфальту. Танцоры бросились поднимать Эдуарда и собирать посуду. На крайней скамейке сидела пожилая пара. Дедок, далеко за восемьдесят, близоруко шуруя, пристально рассматривал веселящуюся молодёжь.

– Сима, а кто же это такие? – громко спросил старичок у напарницы.

– Аспиранты наши, институтские, – так же громко отвечала бабуля.

– А?! – дед приложил ладонь к уху.

– Аспиранты, говорю, гуляют!

– Мы так не гуляли, – старик осуждающе покачал головой, – мы науку грызли с тобой.

– Ага. Как же, грыз ты. Мне-то не рассказывай, забыл уже всё. Пусть гуляют, пока есть время. А то не успеют оглянуться, а оно и выйдет всё. Как у нас с тобой. Вставай, пошли потихоньку домой.

Они разошлись в разные стороны. Молодые и весёлые аспиранты, взалёб радующиеся жизни, жаждущие прекрасного, светлого будущего, направились в общагу. А пожилая пара, у которой будущего и осталось всего на щепоть, отдавшая этому институту свою молодость и большую часть жизни, поддерживая друг друга, побрела к дому напротив. У каждого своя дорога, а финал – один. Молодым можно, конечно, позавидовать, у них дорога длиннее и времени побольше. Они будут строить планы, принимать нужные решения, верить в идеалы и обманываться. Достигать желаемого, терять надежду и разочаровываться, суетиться и множить ошибки, страдать от потерь и радоваться мелочам. Попадать в беду, холодеть от страха, набираться жизненного опыта и постепенно стареть.

Утром Константин проснулся с нехорошей головной болью. Михалыч Ярлоцкий, сочувственно глядя на перекошенное лицо соседа по комнате, предложил:

– Может, похмелишься?

Чеприн с отвращением посмотрел на бутылку «Рислинга», стоявшую на рукописи его диссертации.

– Михалыч, убери эту гадость. Я лучше чаю попью, а потом в Ленинку поеду. Недавно интересный материал нашел, надо поработать.

Костя привел себя в порядок и уехал в библиотеку им. В. И. Ленина. А кличка Рислинг осталась. Причем надолго. Можно даже сказать, навсегда. Как и всё, что было связано с той, такой непростой, но удивительной и замечательной нашей жизнью.

И мальчики кровавые в глазах...

Лесь Петрович Вивтюк-Солнцедаров в аспирантской среде слыл человеком не только необычайно оригинальным, но очень творческим и талантливым. Творчество, как известно, сродни зависимости, болезни, почти как алкоголизму, но болезни продуктивной, созидательной и желанной. Талант же, это не что иное, как беспокойная, демонически-жгучая, неистовая энергия, которая постоянно ищет выхода и просится наружу. Вивтюк, бесспорно, обладал яркими актёрскими данными и в то же время серьёзно продвинулся в научном исследовании данной сферы человеческой деятельности. Он разрабатывал некую новую систему правил определения и построения сценического события для занятий по актёрскому мастерству. При этом молодой учёный пытался доказать, что именно овладение знаниями, умениями и навыками выявления связи между поступками действующего лица и моральными нормами, как раз и является залогом качественного обучения этому самому мастерству. Однако определять связи, не говоря уже о создании системы соответствующих правил, сидя где-нибудь в библиотеке или валяясь на койке в общежитии, было явно недостаточно. Требовались реальные яркие и бурливые ситуации, которые бы затем трансформировались в сценические события. И они, каким-то особенным образом, возникали и роились вокруг соискателя, создавая немало неприятностей в его повседневной жизни.

Латыш Скирманис, сосед Лесья по комнате, хотя и харчился с ним за одним столом, всё же предпочитал немного дистанцироваться от непредсказуемого хохла. Наверно, опасался заразиться от него вирусом злополучности и незадачливости. Внешне Лесь Петрович был копией популярного украинского актёра Лесья Сердюка, но, как бы, заметно увеличенной по габаритам. Иногда несведущие люди даже путали аспиранта со знаменитостью, а он их и не разубеждал. И с удовольствием играл роль своего именитого земляка.

Аспирантская жизнь в общежитии была завидно многогранной, весёлой и бесшабашной, что свойственно золотому времени человека – молодости. А молодость, это когда энергия бьёт ключом, тело невесомое, голова светлая. Когда жизнь поглощается полными горстями, а водка стаканами. И кажется, что совсем рядом, за ближайшим углом, тебя ожидает неожиданное счастье. Нужно только чуть-чуть пройти, заглянуть за угол, а оно там и обнаружится.

Частенько аспиранты организованно отправлялись на пикник. Готовились тщательно и заранее. Покупалось мясо, которое мариновали по какому-то редкому диковинному рецепту Бормотухина Ярузельского, то есть, Михалыча Ярлоцкого. Сбросившись, закупали водку и вино. Излюбленным местом, конечно же, был канал. Здесь обнаруживались очень живописные места, располагающие к полноценному отдыху. Ну, а как иначе? Кому интересно пожарить шашлык и просто тупо напиться. Аспиранты – люди творческие, с искрой божией в одном месте. Умеющие и выпить и повеселиться от души. Поэтому и выпивали, и закусывали, и веселились, разыгрывая целые театрализованные представления иногда по сценариям Романа Жулебы Зверобойного, а чаще спонтанно импровизировали. Например, изображали сцену семейного скандала, случившегося то по поводу неверности жены, то по причине бесплодного пьянства мужа. Или картину проводов бойцов на войну и возвращения их с фронта. Солнцедаров так вживался в образ новобранца, что уходил в ближайшие кусты и пропадал надолго, возвращаясь через пару часов в немыслимом виде. В грязной и разорванной одежде, опираясь на костыли и с фингалом на лице. Где и как он получил фингал, можно было ещё догадаться, а вот откуда взялись костыли, оставалось загадкой. Но образ бойца, вернувшегося с фронта калекой, был настолько натуральным, что тут же приходилось экспромтом разыгрывать сцену встречи с женой, дождавшейся всё-таки возвращения защитника Родины домой, но при этом, имевшей, так сказать, «рыльце в пушку». Лесь играл самозабвенно, и временами

казалось, что он вот-вот по-настоящему проломит Дуньке Чачке голову костылём, проведая от «соседей» об её «похождениях в тылу врага».

В начале декабря, спустя месяц после похорон дорогого Леонида Ильича, отмечали тридцатилетие Романа Жулебы. Народу набралось двадцать восемь человек, поэтому мероприятие решили провести в кафешке, недалеко от Речного вокзала. Спиртное принесли с собой, так намного дешевле. Аспиранты хоть и не нищелюбы, конечно, но и не миллионеры. Приходилось экономить. Сначала, как обычно, всё было чинно и благородно. Говорились длинные тосты, имениннику желали большой любви, творческих и всяких других успехов, счастья, ну, и здоровья, естественно. Сначала – любви, в конце – здоровья. В тридцать лет это понятно и простительно, потому что любовь в такие годы – на первом месте. Веселье набирало обороты, заиграл оркестр, народ высыпал танцевать. В это самое время, когда все отрывались на площадке, пребывая в экстазе от пения хорошенькой солистки, Лесь Петрович ухитрился сцепиться с малолетними хулиганами, сидевшими в соседнем зале. По какой причине он там оказался, и что послужило поводом для ссоры, никто не знал. Тем не менее, пришлось буквально отдиравать троих крепко выпивших пацанов от тоже не совсем трезвого, похожего на шкаф, будущего учёного. Кто на кого напал, а кто защищался было непонятно. Подростки облепили аспиранта, как лилипуты Гулливера, все четверо топтались в узком пространстве между столиками, двигая их задами. При этом лицо Лесь Петровича было одухотворённым и значительным, а лица хулиганов туповатыми и бездуховными. В какой-то момент один из них вцепился в цветастый модный галстук Солнцедарова и потянул его на себя. Галстук ослаб и провис почти до колен. Подоспевшие коллеги шуганули пацанов, освободив взбудораженного и одновременно очень оскорблённого аспиранта.

После этого инцидента веселье оказалось несколько подпорченным, юбилей Жулебы отодвинулся на второй план. Внимание всех теперь было приковано к персоне Лесь Петровича. Он капризничал, порывался пойти и рассчитаться с обидчиками. Его уговаривали, предлагали выпить и всё забыть. Дунька Чачка поправляла причёску, гладила по волосам и прижимала голову Вивтюка к своей груди. Лесь, как бы, поддаваясь уговорам, опрокидывал рюмку водки, но тут же начинал снова канючить:

– Шо, я их трогал? А шо они мне халстук развязали, а? У мэнэ мама больная, у мэнэ батько на войне контуженый..., а-а-а..., – Лесь Петрович плакал, размазывая слёзы, бегущие ручьём, по лицу.

Дунька ещё крепче прижимала голову Вивтюка к груди, Настя Перцовка вытирала платком лицо, а юбиляр Жулеба-Зверобойный, протягивая полную рюмку, проникновенно говорил:

– Да ладно, Лесь, не бери в голову. Мой батько с войны без ноги вернулся. И ничего, знаешь, как на свадьбах отплясывает! Давай, лучше выпьем.

Солнцедаров брал рюмку, выпивал и принимался за своё:

– А шо они мне халстук развязали? Ты вмиеш халстуки завязывать? – обращался он к сидящему рядом толстячку Ярлоцкому.

– Лесь, ты меня когда-нибудь в галстук видел? Я их терпеть ненавижу, – отвечал Бормотухин.

– А ты? – Солнцедаров фокусировал взгляд на жующем без остановки Григории Самуиловиче Голодянике.

– Давай я завяжу, – предложил латыш Скирманис, сосед Лесь по комнате.

– Ага, ось завяжешь вот так, до пупа-а-а, – снова заикался Вивтюк. Он встал, направился в сторону оркестра и попытался отобрать микрофон у солистки. Пришлось в экстренном порядке возвращать его на место и снова успокаивать.

Спустя некоторое время, когда Лесь Петрович, обливаясь слезами, вдруг сообщил сидевшим за столом, что он круглый сирота, потому что мама умерла при родах, а отца казнили

американцы на электрическом стуле за шпионаж, терпение Скирманиса кончилось. Он отвёл Солнцедарова в сторону и, не выбирая выражений, чередуя латышские слова с русским матом, предложил ему покинуть кафе, дабы не омрачать праздник юбиляру. После чего, обидевшийся Лесь Петрович проследовал в раздевалку, оделся и ушёл, хлопнув дверью. Постепенно атмосфера за столом разрядилась и веселье продолжилось.

Переполненный обидой молодой учёный направился в сторону железной дороги и сел в подходящую к перрону электричку. В вагоне среди немногочисленных пассажиров находились трое мужиков, распивавших бутылку водки, наливая её в пустую железную банку из-под консервированного горошка. Лесь сел на соседнюю скамейку. Один из собутыльников, пристально глядя на Солнцедарова, спросил:

– Слышь, браток, что-то твой фейс больно знаком. Где-то я тебя видел.

Остальные тоже уставились на аспиранта.

– Так в телевизоре ж и бачилы. Я – Лесь Сердюк. Актёр, – подмигнув, зачем-то соврал Солнцедаров.

Мужики опешили.

– Ни хрена себе, точно, Сердюк, тот самый! Я сразу узнал. А куда же вы едете?

– Скоро фильм будут снимать в Химках. От я и рэпетирую, вхожу в образ пассажира электрички, – начал импровизировать аспирант.

Затем Леся пригласили четвёртым, и он, выпив из банки, стал рассказывать о сложной и даже опасной, но интересной актёрской профессии. При этом знаменитых актёров и режиссёров аспирант называл по именам, зачастую уменьшительно-ласкательным: Колюня Ерёменко, Мишаня Боярский, Натуся Варлей, Игорёк Костолевский, Вовка Меньшов. Мужики слушали, раскрыв рты. Заговорившись, Лесь Петрович проехал свою остановку и вышел в Химках. На прощание он крепко обнял каждого из своих попутчиков и пригласил их на Мосфильм. Время близилось к полуночи. Возможных вариантов дальнейших действий было два. Можно дождаться обратной электрички и доехать до своей остановки. Лесь предпочёл второй вариант: перейти канал по льду и оказаться на другом берегу. А там и до общаги рукой подать. Многие зимой так и делали. Мост является стратегическим объектом, по нему пройти мужик с ружьём не допустит. А по льду в самый раз, десять минут пешочком прошёл – и ты у цели, в своей комнате. Солнцедаров спустился с насыпи к каналу и двинулся, скользя и пошатываясь, по льду. Он дошёл уже почти до самой середины и вдруг почувствовал, как ноги ушли вниз, обожгло холодом. Конечно же, Лесь не знал, да и не мог знать, что сегодня днём по каналу прошёл буксир-ледокол, вспоров лёд и проложив коридор шириной четыре метра. К вечеру поверхность воды подмёрзла, и этот вновь образовавшийся тонкий слой, по понятным причинам, веса аспиранта выдержать не мог. Барахтаясь в воде и ломая острый, как стекло, лёд, Солнцедаров с трудом доплыл до края коридора. Что делать дальше, он не знал. Выбраться из воды в намокшей тяжелой одежде не было никакой возможности и тогда Лесь Петрович, понимая, что сейчас вот так просто и бессмысленно утонет, закричал осипшим от ужаса голосом, взывая о помощи.

Двое солдатиков казахской национальности из части, расположенной недалеко от института, культурно отдыхали на берегу канала, уйдя в «самоволку». Дембель на носу, скоро домой. Почему бы и не отдохнуть? Портвейн был выпит, сигареты закончились, и они собирались уже возвращаться в часть. Вдруг, откуда-то со стороны канала, раздался треск льда, всплески воды, а затем какой-то мужик истошно закричал, разрывая тишину зимней ночи:

– Рятуйтэ, люды, рятуйтэ!!!

Воины, не сговариваясь, двинулись к середине канала. Там, в полынье барахтался человек, шлёпая ладонями по краю ледяного коридора и оглашая окрестности дурным голосом. Дембеля сняли ремни и бросили ему их концы.

Лесь Петрович Вивтюк-Солнцедаров, держась из последних сил на поверхности воды и, почти теряя сознание, вдруг, увидел, как откуда-то сверху опускаются ангелы с большими белыми крыльями. Но почему-то в солдатских бушлатах и с лицами то ли китайцев, то ли японцев. Ангелы, шевеля крыльями, бросили ему поводья. Ухватившись за них, Вивтюк чудесным образом воспарил над каналом. И тут один из ангелов пожаловался другому:

– Тяжелый, однако, шайтан.

Второй, нагнувшись над ним, сказал:

– Салам! Хал цалай? Как сам, мужик?

Лесь Петрович, лёжа на спине и глядявываясь мутным взором в подмигивающую ему Большую Медведицу, отвечал слабым голосом:

– Сейчас уже намного лучше.

Весёлая компания во главе с Романом Жулебой, шумно вывалившись из автобуса, направилась к общаге. Не доходя несколько метров до входной двери, директор Корягин обратил внимание на фигуру в черном заскорузлом, покрытом ледяной коркой пальто и без шапки, сидящую под тополем. С головы и усов человека свисали сосульки.

– О! Смотри, Саня, генерал Карбышев! – удивился директор, обращаясь к Царёву.

Присмотревшись, Саня узнал в обледенелой фигуре Лесья Петровича Вивтюка-Солнцедарова.

Прошло полгода. В жизни аспирантов практически ничего не изменилось. Некоторые закончили обучение и покинули общагу. Кто-то из них защитился, но большинство разъехались, ожидая своей очереди. Наступало лето. В середине мая открыли купальный сезон и, соответственно, сезон пикников. Лесь Петрович, после декабрьского купания в канале, проболев недели полторы, вернулся в строй. Он сходил в воинскую часть, чтобы отблагодарить «ангелов»-спасителей, но демобилизовавшиеся в конце года солдаты уехали в свой солнечный Казахстан. После этого случая Вивтюк пить завязал. Продолжая вести и, надо заметить, довольно успешно свои научные изыскания, написал первую главу диссертации. Однако, ближе к лету творческий запал стал угасать. Потому что завязавший человек и непьющий или выпивающий иногда – это совсем разные люди. У завязавшего гражданина будто вынимают аккумулятор, который питает горящую внутри него лампочку. Вокруг становится сумрачно и неинтересно. И человек, резко переставший пить, тоже становится неинтересным и скучным.

Именно по этой причине диссертант, отложив материалы, впервые за много дней, отправился в «Шайбу». В пивной забегаловке всё было по-прежнему. Вокруг столов теснились мужики, на столах стояли кружки, стеклянные банки и молочные пакеты с пивом. К стойке выстроилась очередь, продавщица Наташа ловко орудуя кранами, наливала пиво из деревянной бочки. «Администратор» Веня, бездомный седовласый и седобородый дедок следил на общественных началах за порядком. Время от времени он, обнаружив, что кто-то втихаря дымит сигаретой, кричал высоким голосом:

– Наташа, курють!

Наташа выбегала в зал со скрученным мокрым полотенцем. Впрочем, до рукоприкладства дело не доходило: нарушитель своевременно и суетливо гасил окурки.

За одним из столов Лесь Петрович обнаружил своих, институтских: аспирантов Заводнова, Эдика Грача-Плодоваягодного, доцента кафедры Истории КПСС Завьялова и студента последнего курса Вовку Шацкого-Чацкого, бессменного члена комитета комсомола института. Аспирант Веня Заводнов тоже был членом комитета, но рангом повыше: заместителем секретаря. Кроме пива, на столе стояла тарелка с креветками и вторая тарелка с креветочной шелухой. Здесь же лежал «кирпич» – три печатных экземпляра диссертации Заводнова, которые он накануне забрал у машинистки. Лесь втиснулся со своей кружкой между мужиками. Пиво было неплохим. Наташа, в отличие от сменщицы Райки, водой пенный напиток никогда не разбавляла. Но, чтобы получить своё, не доливала кружки. Совсем чуть-чуть. И «кли-

енты» её за это очень уважали. Мол, женщина с принципом: лучше меньше, да лучше. И никто совершенно не обращал внимания на табличку с надписью, висевшую тут же: «ТРЕБУЙТЕ ДОЛИВА ПИВА ПОСЛЕ ОТСТОЯ». Беседа за столом не клеилась: слишком разношерстная кампания. Доцент вскоре, за несколько минут до прибытия электрички на Москву, отвалил. Аспиранты решили выпить ещё по одной кружке и послали за пивом Эдика. Отстояв в очереди минут десять, Грач взял по две кружки пенящегося напитка в каждую руку и, сильно вибрируя, направился к столу. Эдуард страдал нехорошей болезнью, которая называлась ДЦП. Болезнь проявлялась в нарушении координации движений, что вовсе не мешало ему вести активный образ аспирантской жизни. Конечно, по мере сил и возможностей. К примеру, в футбол он не играл, но являлся главным судьёй матчей. Трудновато было Эдику сражаться в настольный теннис или хоккей, но зато он легко и успешно резался в «подкидного дурака». С большим удовольствием Грач участвовал в коллективных попойках по случаю защит диссертаций, дней рождения и других мероприятий. А иногда и без всяких случаев, просто так, чтобы выпить с хорошим человеком пива или чего покрепче.

Эдик нёс кружки, и его сильно болтало из стороны в сторону. Веня Заводнов, предупреждая вытянув длинную руку ладонью вперёд, крикнул:

– Осторожно, Эдуард!

– Не гунди, – Эдик с размаху шмякнул кружками об стол. При этом пиво выплеснулось и залило Венин диссертационный «кирпич».

– Т-т-вою мать!!! – дико закричал Заводнов, – Козёл недоделанный!

Грач, пытаясь исправить положение, смахнул рукавом пену, а вместе с ней и половину «кирпича» на пол. Веню хватил столбняк. Завтра он должен был представить диссертацию на кафедру для обсуждения. Заводнов схватил тарелку с креветочной шелухой и, перевернув, высыпал содержимое на голову Эдику. Тот подцепил дрожащей рукой кружку с пивом и плеснул обидчику в лицо. После этого случилась драка. Солнцедаров с Чацким силились оттащить совершенно озверевшего Веню от лежащего на листах его диссертации Эдика. Прибежала с полотенцем разливальщица Наташа, и только после этого конфликт удалось погасить. Лесь Петрович с Чацким подняли дёргающегося больше обычного Грача, у которого среди волос торчали креветочные отходы, и вывели его на улицу. Веня, ползая по грязному полу, собирал листы диссертации.

Спустя некоторое время, затарившись в гастрономе, все, кроме Вени, направились в общагу. По дороге к ним присоединились Жулеба и Гена Сидоров, аспирант проректора по учебной части Туликова. Осели в комнате Солнцедарова. Потом заглянула Дунька Чачка и осталась. От большого количества людей и выпитой водки стало жарко. Лесь снял с себя рубаху, брюки и туфли вместе с носками, заземлил себя голыми пятками. Пьянка была в самом разгаре, когда заявился Веня Заводнов с «дипломатом» в руке. Зачем он пришёл, то ли мириться, то ли сводить счёты с Эдуардом, было непонятно. Но Вениамин достал из «дипломата» две бутылки водки «Пшеничная», банку тушенки и выставил на стол. Лесь Петрович, разлив водку по стаканам сказал:

– Ну, хлопцы, как говорил мой дед, «не побивши кума, не пить мировой». Выпьем.

Все чокнулись стаканами и выпили. Гена Сидоров, подцепив кусок тушёного мяса, стал рассказывать анекдот:

«Встретились как-то заяц и волк. Решили они мировую выпить, ну, и нажрались. Утром просыпаются, головы болят, похмелиться охота, а денег нет. Волк говорит:

– Слышь, заяц, а пошли кому-нибудь наваляем, бабки заберем и пропьем.

– Пошли! А как?

– Вон видишь, лиса идет? Ты к ней пристань, а я тут в кустах посижу. Сюда ее приведешь, а дальше я разберусь.

Заяц орёт:

– Эй, ты, шмакодявка рыжая! Иди сюда!

– Зайчик, ты чего это, а?

– Пошли в кусты, разберемся!

– Ну, пошли.

Волк выскочил, навешал ей, бабки забрал, пошли похмеляться. На следующий день с головой та же проблема. Решили они опять гоп-стопом заняться. Идет кабан. Заяц орет ему:

– Ну, ты, хрюкало вонючее! Вали сюда!

Всё опять повторилось. На следующее утро решили медведя грабануть. Заяц засомневался:

– Волк, а ты сдюжишь? Не сдрейфишь?

– Да ты чё, заяц, легко, век воли не видать!

– Ну, пойдем.

Подходит заяц к медведю, говорит:

– Эй, ты, фуфлю косолапое! А ну, иди сюда, жопа шерстяная!

Заходят в кусты, а волка нет. Заяц начал канючить и извиняться:

– Прости, Миша, пошутил я ....

– Ну, косой, ты – придурок, – Медведь мазнул лапой по своей заднице, – На, понюхай, чем твои шутки пахнут!!!»

Выпили ещё по одной, оценив анекдот. Закусили.

– Вот, один из самых свежих, – Жулеба, немного помолчал, входя в роль, – «На поминках по Сулову выступает лечащий врач: – Товарищи, наш главный враг – склероз. Он вырвал из рядов строителей коммунизма одного из лучших представителей КПСС и достойнейшего сына нашего Отечества.

– Наш главный враг, – замечает Брежнев, – это недисциплинированность. Мы вот уже сидим тут целый час, а Сулова всё нет».

Эстафету подхватил член комитета комсомола студент КПП Чацкий:

«В кремлёвском коридоре какой-то чиновник, столкнувшись с Брежневым, поприветствовал его: – Христос воскрес, Леонид Ильич! Брежнев отвечает:

– Спасибо, я знаю, мне утром уже докладывали»

В этот момент Дунька Чачка встала из-за стола и начала дефилировать по комнате, разминая левой рукой правую руку ниже локтя.

Между тем, излюбленную тему анекдотов о недавно усопшем Генеральном секретаре развил Лесь Петрович:

«Услышал где-то Леонид Ильич, шо за бугром, прежде чем занять важный государственный пост, требуется пройти тестирование на уровень интеллекта. Решил проверить своих. Вызывает Сулова, – далее Солнцедаров продолжил, абсолютно правдоподобно копируя Брежнева:

– Я тебе, Миша, сейчас загадку загадаю, а ты ответь. «Сын твоего отца, но не ты» – это кто?

Сулов приуныл и попросил один час подумать. Брежнев вызывает Громыко:

– Ну-ка, Андрей Андреевич, разгадай загадку: «Сын твоего отца, но не ты».

– Естественно, это мой брат, Леонид Ильич.

– Правильно. Молодец, Андрей, соответствуешь своей должности.

Через час приходит грустный Сулов и говорит:

– Какая-то очень мудрёная загадка, Леонид Ильич. Не отгадал я.

Брежнев покачал головой, почмокал губами:

– Дурак ты, Миша, это же брат Громыки».

Проходивший по коридору Царёв услышал взрыв хохота в комнате №96, заглянул и увидел живописную картину. Посередине комнаты, за столом, уставленным бутылками, консерв-

ными и стеклянными банками, сидели ржущие аспиранты. Громче всех смеялся заместитель секретаря комитета комсомола по идеологической работе Веня Заводнов. Хозяин комнаты Вивтюк, босой, в трусах и тельняшке, раскланивался перед публикой. Вокруг стола, пошатываясь и нянча руку, бродила Дунька Чачка. Дуня имела одну очень странную и малоприятную для окружающих особенность. Приняв в компании определённую дозу, она, понявчив руку, била ею кого-нибудь по башке. Получили от неё оплеухи уже многие мужики. Досталось на орехи Жулебе, Коте Чеприну, Амуру-Фалос-Имову, директору Корягину. Зачем она это делала, никто не знал. Может быть, таким образом, выражала свою симпатию, а может быть, наоборот, не могла больше сдерживать неприязненные чувства. Саня вспомнил школьного учителя истории Ивана Михайловича, нещадно лупившего малолетних раздолбаев, мешавших проводить урок. Он так же брал левой рукой «сухую» правую, результат ранения на войне, раскручивал её и ударял, как плетью, по шее. Очень больно, между прочим. Иван Михайлович был свой, деревенский, всех знал, и его все знали и уважали. Учитель очень любил выпить, его приглашали на свадьбы и поминки. А если он по какой-то причине не являлся, передавали бутылочку. Саня тоже однажды передал, и они вместе с Иваном Михайловичем и «раздолбаями» распили самогон в кустах за школой. Лет четырнадцать тогда ему было.

– Царёву штрафную! – заорал Жулеба.

Вместе со «штрафником» выпили и остальные. В этот момент Чачка, проходя мимо Заводнова, допивающего водку, замахнулась и врезала ему по загривку. Веня поперхнулся, слетел со стула и осел на пол. Однако он тут же вскочил, дотянулся длинными руками до шеи Дуньки и начал трясти её, как тряпичную куклу. Голова Чачки болталась, но, при этом, она ухитрилась поддать комсомольскому идеологу коленкой в пах. Веня взвыл и остервенело оттолкнул Дуньку от себя. Она упала на край стола и соскользнула Эдику Грачу на колени. Хлипкий стул не выдержал двоих и развалился. Зловредная Чачка, сидя верхом на Эдуарде, оказалась на полу. Веня замахнулся, намереваясь её ударить.

– Стоять!!! Не смей!!! – Лесь метнулся к Заводнову и перехватил руку.

– Отвали, недобиток бандеровский! – заорал комсомольский идеолог.

Это оказалось перебором. Лесь Петрович, родной дядька которого был чекистом и отлавливал целых десять лет после войны этих самых недобитков по схронам, такого стерпеть не мог. Он схватил Веню за лацканы пиджака, где висел значок с профилем Ильича, с силой потряхнул, а затем вогнал в дверцу шкафа. Роста они были примерно одинакового, под метр девяносто, но Вивтюк весил килограммов на тридцать больше. Сверху на шкафу стояла посуда: горка тарелок, чашки, стеклянные трёхлитровые банки. Шкаф, принявший в себя Заводнова, зашатался, посуда посыпалась на пол. Лесь выдернул идеолога из шкафа и, боднув головой, вогнал его обратно. При этом он топтался голыми пятками по разбитой посуде, совершенно не ощущая боли. Даже в тот момент, когда дно банки с острыми краями вонзилось ему под лодыжку, разъярённый Вивтюк продолжал запихивать Вениамина в шкаф. Кровь брызнула фонтаном, заливая пол, осколки посуды и ноги противников.

Кровотечение долго не могли остановить, видимо повредился крупный сосуд. Пьяные собутыльники перетянули ногу, залили йодом пульсирующую дырку, уложили раненого Лесья на койку. Он находился в полубреду, бормотал, выкрикивал ругательства и порывался встать. Но когда Царёв собрался вызвать «Скорую», энергично замахал руками. Кровь постепенно перестала пульсировать, но понемногу сочилась, пропитывая покрывало кровати. Спустя некоторое время Лесь Петрович затих: то ли заснул, то ли отключился. Постепенно комната опустела, осталась только Дунька Чачка. Она убрала со стола, подмела веником в совок осколки и ссыпала в ведро. Затем принялась мыть пол. Вечером пришел сосед по комнате Скиманис. Он посмотрел на забинтованную ногу Лесья, бурый от засохшейся крови бинт.

– Чего это с ним опять приключилось? – спросил латыш у сидевшей на стуле рядом с койкой Чачки.

– Не видишь, что ли, ногу порезал. Банкой.

В это время Лесь Петрович оклемался и, бессмысленно глядя в пространство, спросил:

– Андрис, а где младенец?

– Какой ещё младенец? – вытаращил глаза латыш.

– Здесь, на табуретке недавно лежал младенец. Мальчик. Весь окровавленный.

Скирманис посмотрел на стул, потом на Солнцедарова, махнул рукой и отошёл.

– Так. Допился до ручки. Мальчики кровавые в глазах уже стали мерещиться.

Ночь и весь следующий день Лесь Петрович спал. Вечером проснулся, попытался встать и не смог. Нога опухла и стала багрово-синей. И только после этого вызвали «Скорую помощь».

Приехавший врач распорядился срочно везти аспиранта в больницу.

– Всё так серьёзно? – спросил Царёв у врача.

– Серьёзнее не бывает. Похоже, сепсис, – ответил хмурый доктор, – Почему раньше не вызвали? А теперь, скорее всего, придётся ступню резать.

Лесь Петрович, услышав вердикт, похолодел. Он вдруг понял: жизнь кончилась, всё дальнейшее уже не имело никакого смысла.

На следующее утро хирург долго осматривал ногу, щупал, колол, о чём-то спрашивал. Потом пришёл ещё один. Он тоже осматривал и щупал. Доктора переговаривались на своём непонятном языке, но Лесю всё это было неинтересно. Мысленно он уже видел себя на костылях. Затем врачи ушли и через некоторое время вернулись втроём, видимо, с самым главным. Тот тоже смотрел и щупал. Наконец, он отдал какое-то распоряжение, и всё закурилось.

Очнулся Лесь Петрович в палате. Медсестра прикатила капельницу и пристраивала её у изголовья. Вывернув глаза вниз, он увидел, что обе ноги на месте.

– Проснулся? – медсестра прикрепляла трубку капельницы к руке, – Повезло тебе, парень. Григорий Ильич, завотделением, из отпуска сегодня вернулся. Сам оперировал. Золотые руки. Его благодари, а то бы чикнули ногу тебе и всё. Ну, лежи, сейчас лёд принесу.

Через день утром был обход, и Григорий Ильич, осмотрев ногу, что-то говорил сопровождающим его врачам, а потом, подмигнув аспиранту, спросил:

– Ну, как самочувствие, мужик?

– Сейчас уже намного лучше, – отвечал Лесь Петрович.

– Ну, вот и хорошо. Завтра на перевязку, а через неделю, вполне возможно, отправитесь домой.

На крайней койке у окна лежал человек с забинтованной головой и лицом. Рядом с аспирантом находился больной с ампутированной до плеча рукой, которого недавно привезли из операционной и он ещё не отошёл от наркоза. С другой стороны на койке сидел молодой парень без ступни, нога до колена была туго забинтована. Он держал в руке тарелку с жидкой манной кашей и вяло ковырялся в ней ложкой. У изголовья, прислонённые к стене, стояли костыли. В палате витал дух лекарств, боли и человеческого несчастья.

А за окном больницы угадывалась другая жизнь. Там пахло юным летом, молодой тополиной листвой, сиренью и прошедшим тёплым дождём. Солнце весело блестело в лужах. Люди шли по мокрым тротуарам: кто-то торопливо, кто-то, не спеша, у каждого свои дела, свои заботы. У каждого своя жизнь, единственная и неповторимая. И это объединяло их всех в одно большое целое.

Лесь Петрович вдруг неожиданно остро, до позвоночной дрожи, ощутил свою причастность к этим людям и к юному лету. Потому что через неделю его выпишут из больницы и начнётся прежняя, и в то же время, какая-то иная, новая жизнь, в которой у него будут успехи в творчестве и в работе, здоровье и счастье. Всё то, чего обычно желают в письмах и телеграммах, а также, когда говорят тосты.

В жизни Леся Петровича было всякое. Взлёты сменялись падениями, успехи – неудачами. Счастливые мгновения вытеснялись неделями и месяцами тяжелых депрессий. После оконча-

ния аспирантуры Вивтюк женился на Таньке Чачке, и они уехали во Львов. Работал в театре, снимался в кино, обучал студентов актёрскому мастерству. В конце восьмидесятых похоронил дочь, а следом и жену. Наступила чёрная полоса. Как изжить тоску, во что её погрузить, он не знал, начались запои. Водка была под дых, опрокидывала на землю и даже ещё ниже – в самую бездну. Спустя некоторое время Вивтюк возвращался обратно, и лицедейство, исполнительское творчество возносило его вверх, до самого Млечного пути. Но там Лесь Петрович начинал испытывать манящее притяжение преисподней, а падая в неё снова, чувял мощный зов звёзд. Так продолжалось долго, до и после развала Советского Союза. В незалежной Украине жизнь постепенно разлаживалась, одни стремительно богатели, другие нищали. Государство шаталось, власть, как переходящее красное знамя, оказывалась в руках то «западнцев», то «схидняков». Прошла череда майданов, и Лесь Петрович Вивтюк-Солнцедаров, ранее абсолютно аполитичный, стал активным их участником, сатанея от позора и боли за происходящее на его батькивщине. А 20 февраля 2014 он был убит в Киеве. Пуля снайпера, пробив удостоверение защитника Евромайдана, попала прямо в сердце. Кто такой был этот снайпер, неизвестно. Может быть, тот же самый, что расстреливал людей в Москве у Белого дома в октябре 1993-го.

Говорят, что от человеческой агрессии, тесно скученной в одном месте, происходят различные стихийные бедствия. Ненависть пропитывает и вспучивает землю, которая отзывается содроганием. Если это так, то катастрофа уже близко. Наверное, неприкаянная душа Лесь Петровича, пребывая в невидимом мире и наблюдая за шизофренией, охватившей его любимую Украину, ищет и не находит, во что погрузить свою тоску.

Инакомыслящие и другие

В комнате у Романа Жулебы за столом вместе с хозяином сидели аспиранты Лесь Петрович Вивтюк-Солнцедаров, Саня Царёв, латыш Скирманис и студент Лёха Козлов. Они пили портвейн «Агдам». На кровати лежал директор ярославского дома культуры Корягин, а рядом с ним примостилась студентка факультета культпросветработы Катя Мальцева. Она гладила Михал Петровича по буйной шевелюре, и тот, закрыв глаза и блаженно улыбаясь, говорил:

– Как хорошо, Валюша, как хорошо!

– Я – Катя.

– Ну, всё равно. Катюша, как хорошо-о-о!

Лёха Козлов, стуча кулаком по столу, громко возмущался:

– Не, ну, как тебе это, а? Я ему принес лекарство, а он взял и выбросил таблетки в форточку. Наглый такой, говорит, мол, ничего пить не буду.

Лёха подрабатывал санитаром в местной психбольнице и часто делился разными занятными историями про людей с ущербным рассудком.

– Ну, а ты шо? – заинтересовался Вивтюк.

– Врезал ему. Потом главврач меня вызвал и говорит, мол, ты его Лёша не трогай. Он к Сахарову в Горький ездил. Я говорю – хорошо. Но ни хрена не понял. Кто такой этот Сахаров и на фиг к нему ездить?

– Объясняю. Специально для дибэлов. – Скирманис указал пальцем на Лёху, – Андрей Дмитриевич Сахаров – ученый-физик, создатель водородной бомбы. Сначала создал, а потом понял, к чему это может привести и стал выступать против дальнейших испытаний. Короче, стал диссидентом, ну, то-есть правозащитником. За что и был выслан вместе с женой в закрытый для иностранцев город Горький. Академик, нобелевский лауреат, между прочим, несколько раз объявлял голодовки. Но его кормят насильно. К нему туда ездят сочувствующие граждане, чтобы поддержать учёного и выразить протест властям. Их ловят и сажают в психушки.

Лёха слушал, выпучив глаза и открыв рот с металлической фиксой на переднем зубе. Эта фикса была знаменита тем, что при распитии где-нибудь на природе «из горла», Козлов, как бы нечаянно, ронял её в бутылку. Если кто-то начинал возмущаться, Лёха извинялся, допивал дозу возмущавшегося, а затем вытряхивал коронку из бутылки и прикреплял её на зуб. Жулеба, выслушав монолог латыша, вскочил из-за стола, распахнул дверь и закричал в коридор:

– Политику партии и советского правительства, внешнюю и внутреннюю, одобряю и поддерживаю.

После этого он вернулся к столу, налил полстакана «бормотухи» и выпил стоя. Пару дней назад в «Шайбе» доцент Кутин с кафедры истории, стуча воблой по столу, рассказал свежий анекдот:

«На заседании горкома член парткомиссии задаёт вопрос кандидату в члены КПСС:

– А как вы, товарищ, относитесь к внутренней политике Коммунистической партии и Советского правительства?

– Я, – не раздумывая отвечает кандидат, прижав руку к груди, – внутреннюю политику нашей партии и правительства горячо одобряю и всецело поддерживаю.

– А как вы относитесь к внешней политике Коммунистической партии и Советского правительства, не унимается въедливый дедок из партийной комиссии.

– Я, – чётко отвечает соискатель, – внешнюю политику нашей партии и советского правительства горячо одобряю и полностью поддерживаю.

– А своё, личное мнение у вас имеется? – вдруг спрашивает секретарь горкома.

– Да, – мгновенно отвечает кандидат, прижав обе руки к груди, – Имеется. Но я его категорически не одобряю и ни в коем случае не поддерживаю!»

Было ясно, Ромка пытается хохмить. Но Царев понимал, что за этим стоит не то чтобы протест, издёвка над существующим положением вещей, но что-то вроде фиги в кармане. Фигу держат многие. На партсобраниях, первомайских демонстрациях, при изучении работ классиков марксизма-ленинизма, материалов партсъездов и бесконечном их цитировании. Она подразумевается при чтении «самиздата», прослушивании «вражеских голосов». Казалось, все всё понимают, но... У кого хватает духа выйти, например, на отчетно-выборном партсобрании к трибуне и сказать дремлющим в президиуме и в зале людям: «Хватит словоблудить, неужели вы не видите: в „консерватории“ давно уже что-то не так и пора это для всеобщей пользы подправить»? Ну, неправильно вбухивать миллионы рублей в сельское хозяйство, дотируя его, и посылать при этом студентов убирать картошку. И это лишь для того, чтобы эта самая картошка стоила 15 копеек. А сколько тянут затраты на неё? Совершенно никуда не годится покупать у спекулянтов джинсы по 200 рублей, которые там, за «бугром», стоят копейки. А также кормить задарма коммунистов по всему миру, гнობить строптивых академиков, а других, менее знаменитых, закрывать в психушках. Отвратительно дурачить людей моральным кодексом строителя коммунизма и взращивать лживое, зубастое и развращенное племя – комсомольских функционеров. Опоры партии, между прочим. Как, слабо? То-то. Кому захочется ломать годами выстраиваемую карьеру, ползти, карабкаться наверх, чтобы в один момент быть сброшенным на грешную землю и затоптаным? Систему своей дурацкой выходкой не изменишь. Лучше уж как-нибудь в одной упряжке, в одной колее со всеми.

Недавно случился занятный казус, который остряки называли «Вторым залпом Авроры». В декабре 1981 г. весь советский народ праздновал юбилей генсека Л.И.Брежнева, которому исполнилось 75 лет. А он, ведь являлся не только верным ленинцем и выдающимся борцом за мир во всём мире, но также и гениальным писателем. За свою «Малую землю» получил Ленинскую премию и был принят в Союз писателей. Как раз в это самое время в 12-м номере журнала «Аврора» именно на 75-й странице появился рассказ писателя В. Галявкина «Юбилейная речь». Он произвёл эффект разорвавшейся бомбы. Речь в нем шла о некоем известном писателе, который давно засиделся на этой земле и все ждут с нетерпением его кончины. Вполне может быть, что писатель имел ввиду вовсе не Леонида Ильича, но выглядело это, как насмешка над дряхлым Генеральным Секретарём.

Слух о крамольном рассказе моментально разнесся по институту. Царев прочитал его одним из первых. И, надо сказать, вовремя. Спустя пару часов злополучный журнал перестали выдавать в библиотеках и продавать в киосках. Потом поговаривали, что редактора «Авроры» «загнали за Можай» за политическую близорукость, а имя горе-писателя Галявкина надолго было вычеркнуто из литературной жизни.

Однажды Царёв попытался, не то чтобы усомниться в общей стратегической линии, а подвергнуть незначительной критике отдельные, хотя и важные, средства и методы Системы. По завершении курса философии, перед кандидатским экзаменом требовалось подготовить и обсудить реферат на одну из заданных тем. Саня выбрал зачем-то щекотливую проблему «Идеология и социальная психология». В общем, проанализировав собранный материал, он пришел к неутешительному выводу: советская идеология носит оборонительный характер, а это может привести, в конце концов, к плачевным результатам. Вот зачем, спрашивается, нужен тотальный контроль, цензура и всяческие запреты, зачем «глушить» западные радиостанции? Это расходы и немалые, а запретный плод, как известно, сладок. Это нагрузка на бюджет, а в магазинах полки пустеют, возникает дефицит того или иного товара, бегают туда-сюда «колбасные» электрички. И препод по политэкономии считает, что эти электрички и есть причина нехватки продуктов в столице. А министр на вопрос, почему нет гречки, отвечает, что, мол, раньше, при царе гречку ели попы и дворяне, а теперь её хотят все потреблять,

потому и не хватает. Царёв вспомнил, как в прошлом году его подружка Юлька, студентка второго курса, притащила в общагу сломанный радиоприемник. пожаловалась, что папа сильно захандрил, потому что лишился возможности слушать «вражьи голоса». Саня приемник починил и поинтересовался, кем работает ее отец. Оказалось, каким-то там по счету секретарем горкома партии.

– А как же он слушает, ведь «глушилки» вокруг?

– Папа влезает на стремянку и слушает под потолком, там чище работает, – простодушно ответила Юлька.

Еще он вспомнил, как армейский замполит на занятиях убеждал солдат, мол, вся эта вражеская пропаганда нацелена, прежде всего, на простых и недалёких Ванек, а не на Иван Ивановыч. А выходит, что и Иван Ивановычи интересуются. Но если интересуются, значит, хотят что-то уяснить для себя в этой нашей такой запутанной жизни. Вот вы, идеологи, и разъясните всё людям честно-откровенно. А люди поймут и станут доверять больше вам, нежели западным пропагандистам.

Примерно, такими мыслями Царев и поделился с аудиторией во время обсуждения его реферата. Первыми проснулись слушатели, а затем и профессор Иван Леонтьевич Колядин. Ему уже перевалило далеко за восемьдесят, и знаменит он был тем, что видел В.И.Ленина на 10 съезде РКПб. Аспиранты разглядывали Царева, кто с интересом, кто настороженно и с недоверием, а некоторые и с откровенным злорадством. Профессор Колядин, совершенно не ожидавший услышать на семинаре крамольные речи, вдруг начал зачем-то говорить про Всесоюзного старосту дедушку Калинина и других старых большевиков, об их кристальной честности, аскетизме и неподкупности, а затем и вовсе отпустил слушателей на целых десять минут раньше.

А на следующий день Саню вызвали в отдел кадров. Встретил его человек лет сорока, интеллигентной внешности с седоватым ёжиком. Белозубо улыбаясь, он протянул руку:

– Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Царёв. Давно хотел с вами познакомиться. Меня зовут Сергей Иванович. Да Вы присаживайтесь, в ногах, как говорится, правды нет.

Саню так и подмывало ответить фразой из знаменитой поэмы в прозе Вени Ерофеева «Москва – Петушки»: «А её нет и выше», но он решил, что это было бы слишком опрометчиво. Совсем недавно машинописный вариант книжки дали ему почитать всего на одну ночь. На столе лежал реферат Царева. Ага, ну вот теперь всё понятно. Только кто же стукнул, профессор или кто-то из аспирантов?

– С большим удовольствием прочел ваш труд. Занятно. Можно даже сказать, талантливо и виртуозно. Только выводы ваши, мягко говоря, неверные, а если откровенно, то и вредные.

– И в чем же заключается их вредность?

– Да во всём, – Сергей Иванович спрятал зубы, перестал улыбаться и заледенел глазами, – Вы что, на самом деле не понимаете? Вы учились и продолжаете свое обучение в идеологическом вузе. Государство потратило немалые средства на ваше образование. Пора отдавать. А вы вместо благодарности пытаетесь очернить государство, партию и ее идеологию.

– Я вовсе не пытаюсь очернить партию и идеологию. Я совершенно искренне хотел разобраться сам и обсудить в нашем коллективе некоторые проблемы. В чем тут криминал?

– Нет, дорогой товарищ, так не пойдет. Партия давно уже во всём разобралась. Без вас. А вы, как член этой самой партии должны следовать ее курсом. И не искать истину в «самиздате» и в лживых проповедях западных идеологов и их подпевал, которыми вы, между прочим, давно уже интересуетесь.

Царёву стало не по себе. Ему показалось, что улыбчивый Сергей Иванович знает о нём всё. По крайней мере, гораздо больше, чем он предполагал. О зачитанных до дыр машинописных самиздатовских листах «запрещенки», о ночных разговорах с друзьями-приятелями, о прослушиваемых тайком передачах западных радиостанций «Би-би-си», «Немецкая волна»,

«Голос Америки», радио «Свобода» и других. Саня, как заядлый радиолобитель, перестроил свой «Океан», добавив диапазоны 19, 13 и 11 метров на коротких волнах. На этих частотах глушение не велось, поскольку наша промышленность не производила радиоприемники с такими частотами. А иных приемных устройств, понятное дело, у граждан в то время еще не было. Значит, в общаге есть «глаза» и «уши» КГБ и это, пожалуй, самое отвратительное в данной ситуации. Продолжать жить, заниматься наукой, пить пиво и водку с сокурсниками, спать с женщинами и подозревать, опасаться за лишнее сказанное слово, видеть в них возможных «сексотов».

Между тем, Сергей Иванович раскрыл папку, перелистал какие-то бумаги, бегло читая их. Лицо его опять озарилось улыбкой.

– Вы поймите, Царёв, у нас нет ни намерения, ни желания коверкать вашу карьеру и жизнь. Ну, вот же, какая биография! На заводе с 15 лет, армия, причем, не какой-то там стройбат. Авиация! – он воздел указательный палец кверху, – потом комсомольские стройки в Сибири, завод им. Ленинского комсомола, рабфак, институт и, наконец, аспирантура! Член КПСС, член профкома, член комитета комсомола. Перед вами, Царёв, такие перспективы, а вы в диссидентство ударились. Что у вас общего с этими отщепенцами, оно вам надо, а? Вы только представьте, чем всё это может закончиться. – Сергей Иванович как бы даже опечалился, представив дальнейшую Санину судьбу.

Царёв молчал. «Сейчас, наверно, начнет вербовать в стукачи», мелькнула у него догадка, которая тут же и подтвердилась.

– Я вижу, что вы человек очень глубокий, вдумчивый и искренний. Ну, ошиблись немного, но эти заблуждения легко исправить, нужно лишь взглянуть на нашу действительность несколько иначе, поменять точку зрения и определиться, с кем вам по пути. Мне вот кажется, что мы с вами могли бы прекрасно поладить. Вы поможете нам, а мы всегда будем рядом и найдем возможность поддержать вас. Уж вы поверьте.

Царёв молчал.

– Вы не подумайте, ради бога, что я вас вербую в секретные сотрудники. Ни в коем случае, – Сергей Иванович оживился, расценив Санино молчание как согласие, ерошил свой короткий ежик, отчего стал, как бы, несколько выше.

– Сейчас время непростое. Идет холодная война. Мы должны сплотиться вокруг партии. Долг каждого советского человека, а тем более, коммуниста всячески содействовать, а не противостоять тем, кто находится на переднем крае. Нам нужно знать настроения в разных слоях: среди студентов, аспирантов, да и среди преподавателей, между прочим, – боец невидимого фронта перешел, наконец, к главному.

Вот оно. Дежавю. Как всё знакомо! В памяти всплыла картинка десятилетней давности. Молодого солдата Саню Царева, отслужившего целых две недели, у входа в казарму остановил офицер. Саня разглядел на погонах три маленьких звездочки.

– Товарищ рядовой, вы из какой роты?

– Из третьей роты, первый взвод. – вытянулся в струнку Царев.

– Вольно, вольно. Курите, – старлей протянул Сане раскрытую пачку сигарет «Родопи».

– Я не курю, товарищ старший лейтенант.

– Молодец! Это правильно. А я вот траплюсь. Ну, как служба, справляетесь?

– Так точно!

Офицер еще некоторое время задавал незначительные вопросы об учебе, о распорядке дня, не было ли случаев кражи в казарме, проявления дедовщины со стороны сержантов. Саня благоразумно промолчал, что их, «зеленых» грабанили в первую же ночь, забрав все деньги. Затем старлей неожиданно спросил:

– А рядовой Линдскаускас в вашем взводе?

– Так точно.

– Ну, и как он, вообще? – старший лейтенант сделал неопределенное движение рукой. Саня недоуменно смотрел на офицера.

– Как он ведет себя, что рассказывает, не было каких-либо антисоветских высказываний? – уточнил свой вопрос старший лейтенант, понизив голос.

– Д-да, нет, не б-было, – опешил Саня и даже стал слегка заикаться.

– Ну, вот и хорошо. А если что, заходите ко мне в штаб. Комната №217.

Царёв долго не мог прийти в себя после этого разговора. Ходил и присматривался к длинному, как жердь, энергичному литовцу. И надо же было такому случиться, после школы авиационных механиков, где Саня служил первые полгода, его распределили в один авиаполк именно вместе с пресловутым Линдскаускасом и ефрейтором Лычкиным из Калининграда.

В полку история повторилась один в один. Только вместо старлея был капитан. Саня, недели две мучился от непонимания, за что ему выпала такая «честь» – второе предложение за полгода с хвостиком службы быть стукачом у местных чекистов. Потом он подошел к Лычкину и рассказал ему о настырном внимании товарищей из органов к литовцу. Тот, вытаращив глаза, признался, что к нему тоже «обращались». И в учебке и здесь, в полку. Решили спросить об этом у самого Линдскаускаса. Тот поведал довольно туманную историю о том, что, якобы, у них в городке какие-то злодеи ночью раскурочили памятник советским солдатам и расписали стены школы антисоветскими лозунгами. Подозревали и его, но доказано ничего не было. С тех пор, мол, шлейф за ним и тащится.

– Что скажете, товарищ Царёв? – Сергей Иванович нетерпеливо барабанил пальцами по реферату.

Саня понял, что дальше отмалчиваться нельзя. И что ему отвечать? С негодованием и презрением отказать? Но чекист может здорово нагадить. Согласиться? Значит, наплевать себе в душу. А с другой стороны, кто может заставить его «стучать», если даже он и примет это предложение. Как любил говорить Санин самый первый институтский наставник А.М.Райзенберг, с которым он бессменно в течение 6 лет ездил на «картошку»: «Сегодня пообещал – завтра забыл».

– Ну, что тут скажешь, – Саня сцепил пальцы в замок, – мне не хотелось бы портить с вами отношения.

– Вот и чудненько, – Сергей Иванович воспрянул и выглядел, будто Наполеон, вовсе не проигравший, а выигравший битву при Ватерлоо.

С тех пор Царёв с ним не встречался. Лишь однажды, весной, мельком увидел чекиста, выходящего из приемной ректора. Тот кивнул и многозначительно посмотрел на Саню, который в ответ раскланялся и прошел мимо.

Размышления Царёва прервал голос Лёхи:

– Андрис, ты вот скажи, за что вы нас так ненавидите?

– Кого – вас? – Скиманис непонимающе уставился на студента.

– Ну, нас, русских.

– А с чего это ты решил, что мы вас ненавидим?

– Да я кожей чую. Вот на втором курсе ездили мы с группой на экскурсию в Ригу, так еще на вокзале шли, как будто, под прицелом «Калашникова».

– Та шо ты придумал? – Лесь удивленно воззрился на Козлова, – никогда такого не бачив. Мы с театром на гастроли в Прибалтику не раз выезжали.

– А я вот в армии с латышами и эстонцами служил, – продолжал гнуть свое Лёха, – вроде бы, нормальные мужики, но – не наши.

– Ты бы еще «латышских стрелков» вспомнил, – Жулеба разлил «бормотуху» по стаканам.

– Ну, а сами вы своих сильно любите? – Скирманис взял стакан, посмотрел его на свет и сморщился, – Чтобы тебя кто-то любил и уважал, надо научиться сначала любить и уважать других, да и самих себя тоже Я так думаю.

– Да ладно, мужики, кончайте вы эти разговоры, – Роман даже встал, – Ну, вот сидим мы вместе: три хохла, двое русских, латыш. Катя, ты откуда? – обратился он к студентке.

– Из Кишинева. Я наполовину молдаванка.

– О цэ ж гарно, – с жаром продолжил Жулеба, – мы сидим, пьем хорошее дешевое вино, и мы все, не смотря ни на что, любим и уважаем друг друга. Ну, ведь так, Андрис?

– Так.

– Давайте, хлопцы, выпьем за это. И пусть так будет всегда!

– Как же хорошо, Машутка! – раздался голос директора Корягина.

– Я – Катя.

– Ну, всё равно, Катюша, как хорошо, – Михал Петрович продолжал лежать на кровати и блаженно улыбаться.

До декабря 1991 года ещё оставалось целых восемь лет. А потом страна рухнула и все оказались под её обломками. Геополитическая палитра изменилась до неузнаваемости. Куски огромной империи стали отваливаться и лихорадочно искать национальную самоидентичность. Одни предпочли просто дистанцироваться от русских, другие, обнаружив вдруг неспособность России конкурировать с сильными мира сего, поспешили стать их сателлитами, третьи, кроме всего прочего, объявили москалей врагами. Позже кто-то скажет, что мы проиграли «холодную» войну. Кто-то возразит, что мы проиграли не войну, а только лишь сражение. Как бы там ни было, но всё-таки проиграли и проигравшими оказались все, кто проживал от Калининграда до Владивостока. Русские Михал Петрович Корягин и Лёшка Козлов, украинцы Жулеба, Заводяник и Царёв, латыш Скирманис и наполовину молдаванка Катя Мальцева. Инакомыслящие, просто мыслящие и другие, мало мыслящие и скудоумные. Независимо от национальности и границ внутри Советского Союза и за его пределами. Впрочем, не исключено, что кто-то и выиграл.

Матч

Вечером в воскресенье на аспирантском этаже общаги творилось невероятное. Разбушевавшийся не на шутку Михалыч Ярлоцкий выдворил из комнаты своего соседа и друга Костю Чеприна-Рислинга. Выгнал всерьез и выбросил в коридор его вещи.

Вообще, назвать аспирантскую жизнь однообразной, а тем более, скучной, можно было бы с большой натяжкой. Жизнь эта протекала ярко, насыщенно, интересно и неповторимо. Здесь влюблялись, складывались и разрушались семейные союзы и дружбы, рождались дети. Коллективно отмечались праздники, дни рождения, успешные обсуждения диссертаций и их защиты.

Конечно, главным делом оставалось научное творчество: сбор материала, работа в библиотеках и архивах, анкетирование, эксперименты, выступления с докладами на конференциях, подготовка публикашек. И всё это для того, чтобы к концу третьего года обучения представить в Ученый совет рожденный в муках диссер. Встречались, конечно, и те, кто наукой занимался 24 часа в сутки. Причем все три года. Но многие работу над диссертацией совмещали, и надо сказать, вполне даже успешно с разнообразным отдыхом и спортом. Зимой лыжи и спортзал. Шахматы. Хоккей и теннис, правда, только настольные. Летом аспиранты, как и многие граждане Советского Союза разных возрастов и разных темпераментов играли в футбол. Не настольный. Самый настоящий.

Команды образовались еще на первом курсе. В одну, кроме капитана Сани Царева, входили Михалыч Ярлоцкий, Костя Чеприн, Витя Черных, он же Первач-Самогонов и Равиль Мурфалосимов. Последнего женщины общаги ласково называли Амур Фалос-Имов. И ведь было за что! В команде Романа Жулебы постоянно играли только Дима Стенечкин и Михал Петрович Корягин – директор дома культуры из Ярославля. Остальных Богдан набирал непосредственно перед матчами.

Судьей являлся Эдуард Грач Плодово-Ягодный. Играть он не мог, поскольку у него наблюдалось сильное нарушение координации движения, вследствие церебрального паралича, но при этом футбол очень любил. Когда Грач шел по коридору общаги, находясь при этом в подпитии, с ним невозможно было разойтись, так его мотало от стенки к стенке.

Играли, обычно, на хоккейной площадке. Но случалось побегать и на большом институтском поле у спортзала. Конечно, были и болельщики, в основном, аспирантки из общаги. Хотя, иногда приходили поболеть за «своих» и студентки. Победители награждались шоколадными медалями и грамотами.

Грамоты делали собственноручно с помощью трафарета. Текст был стандартный: награждается такая-то команда, за победу в футбольном матче в честь такого-то события. Внизу – подписи, якобы представителей различных футбольных организаций. В их роли выступали игроки команд. Предусматривались также подписи Главного судьи матча – Эдуарда Плодово-Ягодного, представителей партийных и общественных организаций – Григория Самуиловича Голодяника и Вени Заводнова. После церемонии награждения все шли пить пиво в «Шайбу», естественно, за счет проигравших.

В субботу к Сане Цареву зашел Жулеба.

– Херес, собирай команду на завтра. Мы вам покажем настоящий футбол.

– Да вы уже два года показываете, ни одного выигрыша.

– Ну, завтра в честь такого события мы вам задницы надерем, однозначно.

– Какого еще события?

– Ты что, не знаешь? – поразился Роман, – В этом году исполняется 835 лет столице нашей Родины городу-герою Москве. Согласен сыграть?

– У тебя же в команде постоянный некомплект.

– Не бойсь. Я игроков уже нашел. Первокласные футболисты.

Первокласными футболистами оказались лаборант кафедры информатики Ястребов и аспирант первого курса калмык Чолбан Нохаев. Ястребов действительно играл неплохо. Однажды он уже участвовал в одном из матчей. Семипудовый Чолбан, как выяснилось, в футбол никогда не играл и даже не представлял, в чем смысл этой игры. Тем не менее, Жулеба зачем-то взял его в команду. Хитроумная задумка Романа Зверобойного проявилась позже.

В воскресенье к двенадцати часам команды собрались у хоккейной площадки. Начали подтягиваться болельщики, а также представители партийных и общественных организаций Голодяник и Заводнов. Сильно вибрируя, пришел судья Грач Плодово-Ягодный с милицейским свистком и красной повязкой «ДНД».

Первый тайм закончился со счетом 2:1 в пользу команды Царёва. При этом игре сильно мешал калмык Чолбан. Не понимая ее правил, он носился по площадке, издавая какие-то гортанные звуки, толкался, хватал игроков за одежду и едва не запихнул мяч в свои ворота. Эдуард свистел, размахивал красной повязкой и грозил удалить странного игрока с поля. Болельщицы возмущались.

В перерыве Саня спросил Жулебу:

– Где ты его откопал? Он такой же футболист, как я ковбой.

– Да ладно, Херес, с правилами у него туговато, но как бегают, а? Сейчас я проведу дополнительный инструктаж, и всё будет ништяк.

Он отвел Нохаева в сторону и стал что-то ему втолковывать. Тот радостно кивал бородастой головой, явно соглашаясь с инструкциями.

Во втором тайме у команды Сани Царёва начались неприятности. Буквально на первых минутах игры громила калмык вывел из строя Витю Первача-Самогонова, заехав бутсой по ноге. Тот с площадки не ушел, но сильно хромал. Спустя некоторое время Равиль, отобрав мяч у Стенечкина и развивая скорость, ринулся к воротам Жулебы. И тут свирепый Чолбан пошел на таран. Амур Фалос-Имов, совершенно не соответствовавший весовой категории калмыка, будто, пушечное ядро, вылетел с площадки за бортик и упал в канаву с грязной водой. Правда, он тут же вскочил, размазывая грязь по лицу, и закричал, обращаясь к Эдуарду, игрокам и болельщикам одновременно:

– Вы видели, видели? Это не по правилам, это нарушение, этого джигита надо удалить с поля!

Между тем, джигит, пользуясь заминкой, пнул мяч и закатил его в ворота Кости Чеприна-Рислинга. Он тут же впал в эйфорию, что-то кричал на своем калмыцком языке и полез обниматься почему-то именно с Котей, который этот мяч и пропустил. Болельщицы волновались и кричали друг на друга. Эдуард, не вынимая милицейский свисток изо рта и размахивая руками, тоже пытался что-то сказать. Гол, однако, был засчитан и игра продолжилась.

В самом конце матча неукротимый калмык выкинул еще один фортель. Михалыч Ярлоцкий, стоявший в защите, побежал что было сил за мячом, который катился в пустые ворота. И уже почти догнал. Но тут в два совершенно немислимых прыжка его настиг неистовый Чолбан. Он схватил Михалыча за трусы и одновременно толкнул его в спину кулаками. Толстячок Ярлоцкий упал на живот и пару метров проехал по траве, подпрыгивая, как лягушка. При этом трусы сползли ниже колен. Мяч оказался в воротах. Гол был, явно, спорным, однако, команда Жулебы, впервые за два года одержав победу, считала, что нарушения не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.